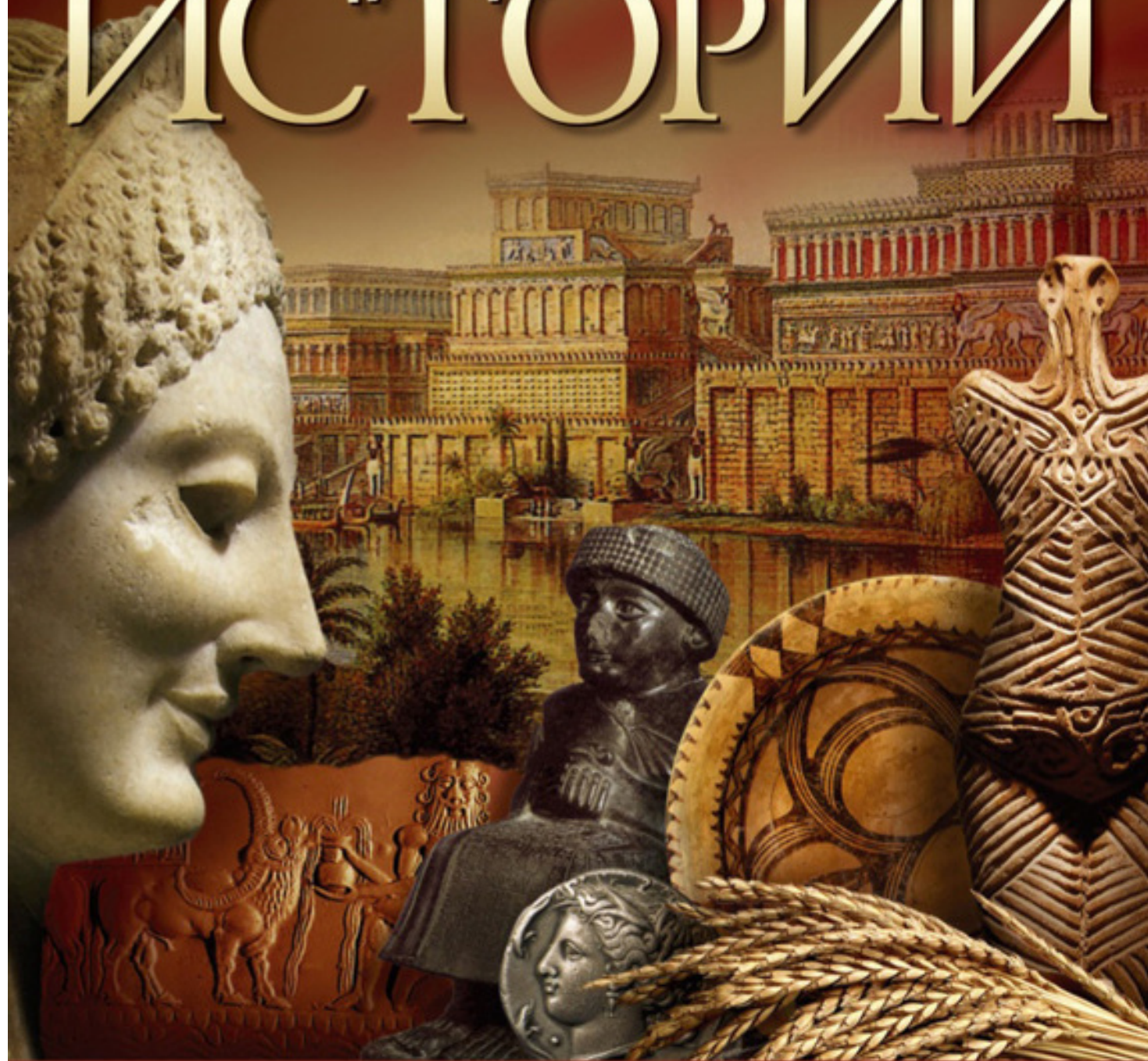

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ТРИПОЛЬЕ • ШУМЕРЫ
МИФЫ ГРЕЦИИ • ХЕТТЫ • ЦАРИЦА САВСКАЯ
ЭТРУССКИЕ ХИМЕРЫ

Загадки истории (Фолио)

Анна Ермановская
Древние цивилизации

«ОМІКО»

2008

Ермановская А. Э.

Древние цивилизации / А. Э. Ермановская — «ОМІКО»,
2008 — (Загадки истории (Фолио))

Люди всегда с интересом относились ко всякого рода загадкам прошлого, которыми полна многовековая история человечества. Некоторые из них живут не одно тысячелетие и при этом постоянно обрастают новыми фактами, порой до неузнаваемости искажающими подлинные события. А бывает, что мифы и легенды, существующие в исторической памяти многих народов, после глубокого и всестороннего изучения исследователями становятся серьезной основой для выработки научных гипотез и версий при решении загадок далекого прошлого. Загадки древних цивилизаций не перестают будоражить умы людей. Кто такая царица Савская – единственный персонаж древности, о котором упоминается в священных книгах трех основных религий мира – христианства, иудаизма и ислама; каковы истоки и наследие трипольской культуры; как на самом деле выглядит греческая история с ее многочисленными героями, стоящими у истоков знатнейших аристократических родов?.. Об этих и других загадках древности рассказывается в этой книге.

Содержание

Страна городов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анна Ермановская

Древние цивилизации

Страна городов

Почти шесть тысяч лет назад на земле, которую сегодня называют Украиной, на самом краю цивилизованного земледельческого мира того времени были выстроены города. Возможно, наиболее древние города Европы. Когда только начиналась история цивилизации Шумера, руины трипольских городов уже давно исчезли среди зеленого разнотравья украинской лесостепи.

Что за народ оставил нам в наследство эти руины? Мы не знаем, как называли себя эти люди и на каком языке они говорили. Археологи назвали их трипольцами – по имени созданной ими трипольской археологической культуры. В Европе эта культура больше известна под румынским названием Кукутени.

Трипольская культура была открыта в конце XIX века. Некоторые ее памятники случайно попадались археологам и раньше, но на них не обращали особого внимания. Настоящим первооткрывателем культуры стал Викентий Хвойка. Он приехал в Россию из Чехии, окончил коммерческое училище, учительствовал, занимался сельским хозяйством. Увлечшись археологией, стал членом Киевского общества любителей старины и искусства. Как археолога, его интересовали орудия труда, оружие, посуда древних жителей Поднепровья. Летом 1893 года во время раскопок на Кирилловской улице в Киеве Хвойка нашел расписной сосуд новой для него культуры. Почти одновременно с В. Хвойкой похожую керамику нашел в селе Шипинцы недалеко от Чернигова учитель В. Арийчук. Вскоре Хвойка обнаружил целый район распространения этой расписной посуды. Оказалось, что крестьянам во время вспашки полей часто попадались такие черепки на западной околице села Триполье недалеко от речки Красной на Киевщине. Именно там в 1896–1901 годах В. Хвойка раскопал остатки двадцати помещений площадью от 30 до 140 квадратных метров.

Раскопки были продолжены. Были исследованы поселения близ города Ржищева, около сел Триполье, Веремья, Щербановка, Халепье, Жуковцы, Стайки, на полях от реки Стугны до Припяти. Хвойка убедился, что открыл новую, неизвестную дотоле археологическую культуру. Назвал он ее по имени села, где было обнаружено первое большое скопление предметов данной культуры.

Российские ученые познакомились с открытием на XI Всероссийском археологическом съезде в Киеве в 1899 году. А в 1900 году на Парижской выставке весь научный мир воспринял это открытие как сенсацию.

Хвойка продолжал находить поселения, описывал их, классифицировал, определял возраст. Новую культуру он считал возможным назвать «древнеарийской и, в частности, древнеславянской», а территорию Украины – прародиной индоевропейских (арийских) народов.

Прежде чем говорить об этой интересной и во многом до сих пор загадочной древнейшей культуре, совершим экскурс в еще более древнюю историю – к самым истокам цивилизации. По словам В. И. Вернадского, «открытие земледелия, сделанное более чем за 600 поколений до нас, решило все будущее человечества». Это был великий переход от сбора растений к их искусственному выращиванию и от охоты на диких животных к их приручению – «неолитическая революция», растянувшаяся на тысячелетия. Открытие земледелия и скотоводства предопределило долгий и сложный путь развития человечества от раннеземледельческих общин к государствам Древнего мира. Даже сейчас, когда наука располагает огромным количеством источников, относящихся к различным историческим эпохам, трудно сказать точно,

когда человечество начало заниматься земледелием. Археологи, правда, уверены, что зародилось оно в том регионе, который сейчас называют Средним Востоком, то есть где-то в районе современных Ирана и Ирака. Дикая пшеница и ячмень, распространенные в этих землях, хорошо приживались на предназначенных для этого древними агрономами первых полей, быстро прорастали, давали обильный урожай. Их зерна легко обрабатывались, размалывались в муку, которую можно было хранить месяцами, а затем выпекать из нее хлеб. Но не только на Среднем Востоке проживали первые земледельцы. Для развития земледелия, конечно, необходимы некоторые условия, и прежде всего – плодородная земля. Это главное условие выполнялось в регионе, расположенном между Персидским заливом и Средиземным морем. Огромным полумесяцем длиной около 1600 километров он окаймляет сухую и безжизненную Аравийскую пустыню. Эта территория так и называется – Плодородный полумесяц. В Палестине зарождение навыков земледелия обычно связывают с натуфийской культурой, которая датируется X–IX тыс. до н. э. Обитатели поселений этой культуры занимались охотой на газелей, диких быков, оленей, коз, ловили рыбу, птиц, собирали моллюсков. Но кроме этого натуфийцы собирали дикорастущие злаки. В их поселениях находят микролиты – мелкие плоские орудия более или менее правильной геометрической формы, кремневые вкладыши жатвенных ножен, сохранились и их костяные основы. Это были первые жатвенные приспособления. Поэтому археологи сделали предположение о том, что обитатели ранних натуфийских поселений уже были земледельцами. Не все ученые согласны с этим, но считают возможным рассматривать этот период как время вероятного зарождения растениеводства.

Секрет приготовления растительной пищи «собираателями урожая» натуфийцами раскрыт благодаря изучению поселения Вади-эль-Мугарет. Здесь была обнаружена каменная терраса, где на специальной вымостке происходила очистка зерен от шелухи. Рядом располагались чашеобразные углубления и песты для растирания зерна. Большая ямка в виде ванночки, видимо, служила для смешения приготовленной массы с водой. Тесто выпекалось в очаге, который дополнял «кухонный» комплекс «собираателей урожая» – обитателей поселений.

Там же, в Палестине, в Иерихоне и Бейде, были обнаружены наиболее древние остатки культурной растительности. Так, в Иерихоне, в слое «Л», были найдены зерна культурной пшеницы двузернянки и пленчатого двурядного ячменя, которые датируются 8000 г. до н. э. Раннеземледельческое поселение в Юго-Восточной Турции – Чагони (7500–6500 гг. до н. э.) также дало большое число остатков зерен злаков и фруктов, пшеницы, гороха, чечевицы, вики, фисташки и миндаля. Блестящие раскопки английского археолога Джеймса Меллаарта в Анатолии в поселении Чатал-Гююк открыли удивительный мир оседлых земледельцев с ярко выраженным культом быка. Здесь и святилище с множеством изображений священных быков, и небольшая фигурка богини Великой матери, простирающей руки над телятами.

Итак, самые ранние памятники культуры оседлых земледельцев были найдены в разных районах: Иерихон в Палестине, Джармо, Сараб и Тепе-Гурап в Иракском Курдистане, Али-Кош в Иране, Хаджилар и Чатал-Гююк в Анатолии, Аргисса и Неа Никомедия в Греции. Это значит, что переход к регулярному земледелию и возделыванию злаков произошел почти одновременно в трех или четырех очагах и почти независимо друг от друга. Древнейшие земледельцы использовали местные виды дикорастущих полезных растений и приспособляли свою сельскохозяйственную деятельность к особенностям местных почв, рельефа и климата (осадкам или паводкам на ручьях и реках, озерным разливам и т. п.). По мнению археологов, одомашнивание пшеницы-однозернянки произошло в западных районах «Плодородного полумесяца», в предгорьях Загроса и Тавра, а двузернянки – на юге, в бассейне Иордана. А еще очевидно, что даже такие удаленные друг от друга районы, как Юго-Западная Азия (Чатал-Гююк, Хаджилар) и Юго-Восточная Европа, Балканы (Неа Никомедия, Аргисса), все же не были вовсе изолированы друг от друга. Это привело к тому, что новые знания и навыки распространялись далеко за пределы древнейших очагов земледелия.

Вернемся в Украину. Шесть тысяч лет тому назад земледельческие племена жили на территории от Румынского Прикарпатья на западе до Днепра на востоке. Их археологическая культура была открыта почти одновременно с легендарной Троей в 70-е годы XIX века. Длительное время считалось, что в древности Европа, находясь на задворках высокоразвитых цивилизаций Древнего Востока, могла быть не более чем их бледной тенью. Лишь сенсационные археологические открытия второй половины позапрошлого века поколебали эти традиционные представления. Теперь мы знаем, что одна из ярких страниц древней истории человечества связана с европейской – трипольской культурой.

За границей о работах украинских археологов даже специалистам сегодня известно немного, хотя именно эти исследования имеют огромное значение для понимания того, какое место занимала Юго-Восточная Европа в цивилизованном мире шесть тысяч лет назад. Но и сами украинские специалисты долгое время не знали, что впереди их ждут необыкновенные открытия. Около ста лет несколько поколений археологов раскапывали поселения трипольцев, не ведая, что одна из главных загадок этой культуры – огромные, площадью в сотни гектаров поселения-протогорода – лежит у них под ногами. В истории поисков трипольских протогородов, которая насчитывает уже три десятилетия, было все, что сопровождает археологические сенсации, – недоверие скептиков, романтика экспедиций, триумф.

* * *

Обыкновенный самолет выполнял аэрофотосъемку центральных областей Украины по заказу военных топографов. Из года в год майор К. В. Шишкин видел на полях вблизи сел и городов Черкасской области огромные, иногда больше километра в диаметре, светлые и темные овалы и полосы. Эти полосы не были ни современными дорогами, ни секретными объектами. Известно свойство древних ландшафтов, уже похороненных под тысячелетними наносами, проступать на поверхности благодаря растениям. Четкость контуров становится наибольшей в тот момент, когда корни растений, достигая препятствия (остатков древних построек), усыхают, а растения желтеют, сигнализируя: в земле что-то есть! Из этого следовало, что таинственные овалы и полосы возникли не сегодня и не вчера, а достаточно давно – настолько давно, что находятся на глубине 0,5–1 м. На образование такого слоя земли уходит, по меньшей мере, несколько тысячелетий. Ответить окончательно на вопрос, чьи это постройки и когда они существовали, могли только археологи.

Осенью 1964 года К. В. Шишкин и работавший долгие годы на Уманщине археолог и краевед В. А. Стефанович стояли на склоне плато у села Ольховец под Звенигородкой, разглядывая противоположную сторону широкой балки. Древний поселок занимал когда-то пригорок около слияния двух ручьев. Там, на свежевспаханном поле, проступили рыжие пятна – следы сгоревших древних построек. Поражала площадь поселения – 110 гектаров, то есть свыше квадратного километра. Для сравнения: Ур – город древних шумеров – в III тыс. до н. э. занимал всего 90 гектаров. А ведь поселение под Ольховцом было не самым большим, объект под Майданецким поселением занимал более 200 гектаров, а под Тальянками – все 400 гектаров, превосходя по размерам стольный Киев-град времен Ярослава Мудрого!

Предполагалось, что таинственные овалы связаны с местами расположения поселений трипольской культуры. Другие ее поселения раскапывались еще в начале XX века, а некоторые – в тридцатые и сороковые годы. Овалы новых поселений были вдоль и поперек исхожены Стефановичем в 1960-е. Собственно, новостью были только их размеры, о которых говорил К. В. Шишкин, ссылаясь на аэрофотоснимки: десятки, порой сотни гектаров. Там, где археологи раньше наносили на карту четыре или даже восемь возможных отдельных поселений, на самом деле, утверждал майор, стояло одно. Аэрофотоснимки рассказали немало подробностей о пла-

нировке трипольских протогородов, многие из которых были подтверждены последующими многолетними раскопками.

Естественно, поначалу эти сообщения особого энтузиазма среди археологов не вызвали. Первый аргумент скептиков был «железным» – этого не может быть, потому что этого не может быть вообще. Ведь каждому студенту из фундаментальных трудов Т. С. Пассек и С. Н. Бибикова было совершенно точно известно, что трипольцы строили небольшие родовые поселки в 30–40 домов, а единственное исключение – поселение у Владимировки, крупнейшее из известных – насчитывало всего 200 домов. И тут какой-то военный утверждает, что трипольские поселки насчитывали тысячи построек, а по размерам превосходили города древнего Шумера?! Нет, это просто немыслимо.

Только в 1971 году исследователю трипольской культуры Н. М. Шмаглию удалось отыскать немного средств на небольшую разведочную экспедицию. Результаты визуального обследования и магнитной съемки совместили с аэрофотоснимком – и они в общих чертах совпали! Выводы ученых были таковы: «Новые данные о размерах, планировке и количестве жилищ на трипольских памятниках Уманщины указывают на существование в энеолите Юго-Восточной Европы протогородов. Общее количество жилищ Майданецкого поселения должно приближаться к 1,5 тыс. Аналогичные черты свойственны и некоторым другим поселениям средней части Побужья».

Вот так, не больше и не меньше – существование в энеолите Европы протогородов! И не где-нибудь на Крите или, скажем, в Греции, а в центре Украины. Прошло более тридцати лет с выхода этой публикации, а дискуссии о трипольских протогородах не видно конца. Тогда же, осенью 1971 года, ученым еще предстояло решить, что делать дальше. Под землей лежали руины древнего поселка – тысячи жилищ, укрепления, возможно, культовые постройки и другие сооружения, разбросанные на площади в два квадратных километра. Как именно и где что лежит – совершенно неизвестно, если не считать аэрофотоснимка, который пока не вызывал полного доверия.

Трипольские поселения раскапывались относительно медленно: за сезон раскрывали остатки нескольких – в лучшем случае десяти – жилищ на площади в несколько сотен квадратных метров. Однако сейчас речь шла об исследовании тысяч жилищ. Если даже копать по десять жилищ в год, чтобы установить планировку, архитектуру и хронологию поселка, при таких темпах понадобилось бы полтора столетия. А люди, а деньги, наконец? Смета на раскопки полутора тысяч жилищ составила бы совершенно невероятную для советской археологии сумму почти в два с половиной миллиона рублей (а рубль тогда официально был равен доллару)! Европейская археология вообще не имела прецедентов решения подобных проблем. Раскопки поселков этой эпохи велись на площади в лучшем случае в один-два гектара. Было понятно, что трипольские протогорода требуют какого-то особого подхода. Однако киевские археологи в этой безнадежной, на первый взгляд, ситуации проявили находчивость. На помощь ученым пришла технология, которая помогла всего за несколько лет (и к тому же всего за несколько тысяч рублей) вызвать из небытия протогорода трипольцев.

С конца 1960-х годов для выявления планировки археологических памятников в мире успешно используются геофизические методы. В Украине при изучении трипольских памятников их впервые применили еще в 1966 году, и во время разведки в 1971-м было поставлено задание выяснить целесообразность использования в рамках данного метода магнитной съемки на поселениях подобного типа. Следует объяснить, каким образом магнитометр «ловит» остатки трипольского жилища. Дело в том, что эти остатки являются скоплением обожженной глины, а она имеет остаточную термическую намагниченность. Каждое когда-то сожженное трипольское жилище представляет собой несколько тонн магнитной глины, являясь маленькой магнитной аномалией, на которую реагирует даже обычный компас. Магнитометр – прибор намного более чувствительный, чем компас, и обнаружить аномалию в виде

жилища или хозяйственной ямы с его помощью не составляет проблемы. Оказалось, что стандартное жилище дает аномалию от 10–20 до 150–200 единиц, т. е. именно в этом диапазоне измерений лежат интересующие археологов объекты.

Для начала выбрали участок в 1,5 га, где на поверхности не было никаких следов жилищ. Померяли – и обнаружили 8 аномальных зон. Их было значительно меньше, чем на аэрофотоснимке. В другом месте засекли еще 6. Это совпало с данными визуального наблюдения и аэрофотоснимком. Затем проложили два 200-метровых профиля через возвышавшийся посреди поля двухметровый курган, на поверхности которого были найдены обломки глиняной обмазки. Магнитная съемка показала, что курган перекрывает 12 аномальных зон.

Всего за несколько недель были выяснены местонахождения, размеры и взаимное расположение 26 жилищ. Для решения этого вопроса путем раскопок понадобилось бы не меньше трех сезонов. Так уже первые эксперименты с магнитной съемкой показали: да, действительно, можно составить достоверный план трипольского протогорода, не прибегая к многолетним дорогостоящим раскопкам. Нужны магнитометры, нужны люди, которые бы умели с ними работать, и относительно немного времени – два-три полевых сезона.

Приборы, люди и средства были найдены, и в 1972 году началась работа по геомагнитному картированию Майданецкого поселения. Три сезона, с 1972 по 1974 год, под июльским солнцем, по росе, по стерне, двухметровой кукурузе, сахарной свекле, профиль за профилем прошли майданецкими полями команды с магнитометрами и сделали более ста тысяч измерений. Обработывали данные тогда вручную – считали, чертили графики. Сколько на это пошло бумаги... Отчет о работе геофизического отряда вместе с соответствующими чертежами едва вместился в семи объемистых папках. Потом началось самое главное – выделение трипольских аномалий, нанесение их на план. Последняя точка на нем была поставлена поздней осенью 1974 года. Первый план трипольского Майданца склеили из трех рулонов миллиметровки и разложили как-то вечером прямо на полу – он не уместился даже на огромном столе посреди лаборатории. Впервые перед глазами ученых из глубины шестидесяти веков предстал во всем своем загадочном величии план одного из древнейших городов Европы. Четыре овала с аномалиями от жилищ, наименьший овал – диаметром свыше километра, наибольший – полтора. Следы улиц, кварталов, въездов в поселение – то есть буквально все, что дешифровал на аэрофотоснимках К. В. Шишкин, – нашли свое подтверждение. Самое главное – стало понятно, что речь идет в самом деле об одном, построенном по единому замыслу и согласно определенному плану поселении. На план было нанесено 1575 аномалий, которые можно было бы отождествить с трипольскими жилищами.

По своим масштабам и результатам магнитная съемка в Майданецком не имела в то время аналогов в археологической практике Европы. Без многолетних изнурительных и дорогих полевых исследований был получен полный план города медного века площадью в два квадратных километра. О подобном археологи и историки раньше могли разве что мечтать. Вообразите, что в архивах обнаружены точные планы Вавилона времен царя Хаммурапи или, скажем, Киева времен святого Владимира. Какие возможности открылись бы тогда перед исследователями! В то же время даже упорным скептикам было доказано, что десятки огромных поселений, дешифрованных на аэрофотоснимках, – не плод воображения, а неизвестная ранее страница древнейшей истории Европы.

Магнитная съемка показала: невозможного в выявлении трипольских протогородов нет. Требуется время, приборы, люди и деньги – причем денег в тысячи раз меньше, чем на раскопки. Можно снять любое заинтересовавшее вас поселение, и не одно, а два, три, десять – сколько нужно; найти наиболее перспективные участки и потратить несколько лет именно на их раскопки.

Вторым из числа поселений-гигантов, охваченных магнитной съемкой, стали Тальянки. На Черкащине, между селами Легедзине и Тальянки, лежит ровное и большое поле. Всю его

площадь – 4,5 кв. км – охватывал овал, свидетельствовавший о наличии тут древних укреплений. Поселение было частично разрушено при прокладке дороги и строительстве фермы, часть его занимало село. Но и то, что сохранилось, впечатляло: радиальные улицы в северной части, въезды, фланкированные постройками, ряды жилищ-укреплений. Здесь должно было быть не меньше 2700 зданий – почти вдвое больше, чем в Майданецком. Огромный поселок, город, построенный по единому плану, представлял собой целостную систему, величественную и совершенную.

После Тальянок геофизиками были сняты еще десятки трипольских поселений в Украине и Молдове. Около полусотни планов поселков разных периодов двухтысячелетней истории трипольской культуры теперь были доступны для изучения. Ни в одной из европейских стран археологи, занимающиеся культурами медного века, пока не располагают такими уникальными источниками!

Эти открытия, а также результаты многолетних археологических раскопок позволяют сегодня некоторым историкам говорить о трипольской культуре как о цивилизации. Многие специалисты в свое время решили, что археологическими признаками цивилизации следует считать наличие городов (поселений с числом жителей свыше 5000), монументальной архитектуры и письменности. По крайней мере, одно из этих условий трипольцами соблюдено – ими были созданы огромные поселения с продуманной планировкой и населением более 5000 человек.

Что мы знаем о трипольской культуре на сегодняшний день?

На Юго-Востоке Европы в V–IV тыс. до н. э. сложился крупный центр высокоразвитых земледельческо-скотоводческих культур. Этот центр охватывал Балканский полуостров и юг Апеннинского, Нижнее и Среднее Подунавье, территорию Трансильвании, Молдавии и Правобережной Украины. Основой для его возникновения были традиции раннеземледельческих культур с расписной керамикой. Вероятно, новые импульсы с Переднего Востока способствовали становлению на Балканах и в Подунавье культур, достигших более высоких ступеней развития. Это такие земледельческие культуры, как Сескло в Фессалии и Димини; на Балканах и в Карпатском регионе – высокоразвитая культура Винча; во Фракии – культура Караново III – Веселиново; в Нижнем Подунавье – культуры Дудешть и Хаманджия. В начале IV тыс. до н. э. этот центр охватил еще более значительные территории – почти весь Карпатский регион (культуры Лендьел, Петрешть, Тисаполгар), Нижнее Подунавье (Варна, Гумельница), Молдавию и часть Украины, где в это время складывается трипольско-кукутенская историко-культурная общность. Культуры, входившие в этот центр, называют энеолитическими, так как их представителям был известен металл – медь и золото.

Представители культур юго-восточного центра сделали заметные успехи в области хозяйства. С полным основанием ученые предполагают, что в земледелии таких культур, как Гумельница и Триполье, применялись соха или примитивный плуг, а в качестве тягловой силы – вола. Был известен и бесколесный транспорт – сани, волокуши. Из меди и золота изготавливались украшения, кроме того, медь использовалась для отливки плоских и проушных топоров и тесел. Уже в IV тыс. до н. э. ткачество, кожевенное дело, изготовление керамики, вероятно, стали самостоятельными ремеслами наряду с металлургией и металлообработкой. Широкое развитие получили обмен и меновая торговля, в них участвовали в первую очередь металлы и изделия из них, предметы роскоши, престижа, ритуала, украшения, морские раковины, обсидиан и высококачественная керамика. По всей видимости, в руках верхушки трипольского общества уже были сосредоточены большие богатства, прежде всего золото. На это указывает и структура поселений, и наличие богатого инвентаря в погребениях.

Жителями энеолитического Юго-Востока Европы почитался целый пантеон земледельческих божеств. Их культы отправлялись в специально построенных святилищах и даже, возможно, храмах. Такие храмы раскопаны в Кэсчиоареле близ Бухареста (культура Боян). Стены

одного из храмов были расписаны красными и зелеными спиральными узорами, имелись глиняные столбы со сложной росписью. В верхних слоях Кэсчиоареле (культура Гумельница) открыта модель храма из четырех зданий на высоком подиуме. В энеолите Юго-Восточной Европы засвидетельствовано существование письменности в различных формах: это и так называемая протописьменность в виде миниатюрных глиняных изображений различных предметов, существ и символов чисел, и пиктографическое письмо, и знаки линейного письма, особенно часто встречающиеся на сосудах Винчи.

Конечно, эти земледельческие культуры имели и свои особенности, отличающие их друг от друга. В культуре Гумельница (Болгария) земледельцы в качестве пахотного орудия использовали соху из дерева и оленьего рога, а в качестве тягловой силы – быка или вола. Основной зерновой культурой Гумельницы в IV тыс. до н. э. была пшеница (однозернянка, эммер, спельта), известен многорядный ячмень. Из бобовых выращивались вика, чечевица, горох. Полагают, что на территории Болгарии существовало даже примитивное искусственное орошение, для которого использовались разливы рек, приносившие полям не только воду, но и плодородный ил. В местах разливов возводились дамбы, которые должны были направлять паводковые воды на поля. Важной отраслью хозяйства оставалась охота.

Особенностью земледелия культуры Винча было выращивание пшеницы при почти полном отсутствии ячменя. Сеяли быстро созревавшее просо, овес. Бобовые растения не играли существенной роли. поголовье скота было еще небольшим, в нем преобладал крупный рогатый скот и свиньи. Охота велась на благородного оленя и кабана.

В культуре Лендьел в IV тыс. до н. э. важную роль приобрели пшеница-спельта и двурядный ячмень. Напротив, земледелие в культуре Тиса того же времени основывалось на древних пшеницах – эммере и однозернянке, но выращивали еще и многорядный голозерный ячмень. Большое значение имел посевной горох.

В Карпатском регионе крупный рогатый скот преобладал в составе стада во всех культурах IV тыс. до н. э., причем встречались и недавно одомашненные виды, и появившиеся в результате скрещивания дикого быка и домашнего скота, овец и коз стало меньше. Резко возрастает значение охоты. Частым явлением становится отлов молодых животных – зубра и кабана – для приручения и пополнения стад.

Трипольско-кукутенская культурно-историческая общность сложилась в начале IV тыс. до н. э. как земледельческо-скотоводческая. Археологи выделяют в развитии культуры три периода: ранний – 4000–3600 гг. до н. э.; средний – 3600–3150 гг. до н. э.; поздний – 3150–2350 гг. до н. э.

Основной зерновой культурой у трипольцев была пшеница, но часто высевали и ячмень. Сеяли также просо, возможно, овес. Из бобовых выращивали горох, вику, чечевицу, вику-эрвилию. Лен и конопля давали растительное масло. Есть свидетельства выращивания алычи, абрикосов, слив и даже винограда, но их немного: видимо, садоводство и виноградарство, если и существовали, были в зачаточном состоянии. До сих пор многие считают, что трипольско-кукутенское земледелие было мотыжным. Но, учитывая общий уровень развития этой общности, размеры трипольских поселений и количество их обитателей, а также использование упряжек быков или волов и появление сохи или плуга в соседних культурах, можно предположить пахотный характер трипольского земледелия, хотя сам плуг (вероятно, деревянный) еще не найден.

Данные о скотоводстве и охоте трипольского населения очень многочисленны, но их полный анализ до сих пор не проведен. В подавляющем большинстве трипольских поселений скотоводство преобладало над охотой по количеству мяса, которое эти два занятия давали населению. Крупный рогатый скот был основным у трипольского населения на протяжении всей истории этой культуры. Лишь в некоторых поселениях свиней было больше, чем крупного рогатого скота, но значение свиноводства падало по мере уменьшения площади лесов, осо-

бенно на юге трипольского района. С появлением позднетрипольских поселений в причерноморских степях резко возросла роль мелкого рогатого скота. Кости овец и коз составляют на этих поселениях 45 % всего материала. Археологами не решен вопрос об одомашнивании лошади в трипольской культуре. Кости этого животного встречаются и в ранних трипольских поселениях, но в небольшом количестве.

Основным объектом охоты трипольцев был благородный олень, а также кабан и косуля. Есть свидетельства пушной охоты (на рысь, лисицу, бобра, волка, выдру). Трипольцы занимались и рыболовством, ловили сомов, вырезуба, карпа, окуней. Очень популярным занятием было собирательство наземных и речных моллюсков, яблок-дичков, груш, черешни, вишни, боярышника, терна.

Поселения раннего этапа Триполья часто располагались в пойме реки или на первой террасе и лишь изредка – на коренном берегу реки, довольно высоко над водой. На среднем этапе, наоборот, они гораздо чаще размещались на высоких мысах, в местах, защищенных природой и пригодных для обороны. Именно на этом этапе увеличивается количество поселений, укрепленных рвом и валом, иногда двумя. Еще больше укрепленных поселений становится в III тыс. до н. э. Многие из них лежат на высоких, труднодоступных скалах. Рвами и валами с палисадами укрепляют теперь не все поселение, а лишь часть его – наиболее высокое место. Служили ли такие «акрополи» убежищами для всего населения в случае опасности или детинцами, отделенными от посада, сказать трудно.

Уже на раннем этапе Триполья поселения свидетельствуют об определенной иерархической структуре общества. Несколько небольших поселений группируется вокруг более крупного. В раннем Триполье поселения насчитывают до 10 домов размерами от 12 до 150 кв. м, где жили по 40–60 человек. Размеры малых поселений и количество их обитателей в среднем Триполье увеличиваются. Эти поселения имеют площади 2–3 га и 20–50 жилищ, расположенных концентрическими кругами. В поселении Владимировка 200 жилищ располагаются пятью кругами. Позднетрипольское поселение Коломийщина-1 имеет площадь около 3 га. Дома располагались по кругу, в центре круга – два дома. Возможно, был еще один, внешний, круг домов. Вероятно, центральные дома были заняты вождем общины или же предназначались для общинных ритуалов. Большинство домов были однокамерными, но некоторые разделены на два-четыре помещения, каждое – с печью. Всего в домах найдены 72 печи, что, возможно, свидетельствует о проживании тут 72 семей. Можно предполагать, что в раскопанной части поселения жило от 250 до 400 человек, а во всем поселении, вероятно, чуть ли не вдвое больше.

Иерархическая структура трипольской системы поселений гораздо более четко видна в среднем и позднем периодах. Поселения этого времени могут быть разделены на малые (2–3 га), средние (4–8 га) и крупные (более 10 га). В среднем Триполье площадь крупных поселений достигает даже 25–60 га. В начале позднего этапа есть поселения площадью 250–300 и даже 400 га. В одном из таких поселений (у города Умань) прослежена застройка по четырем эллипсам и установлено одновременное существование более 1500 домов. Поселение в Доброводах имело площадь около 250 га. Дома в нем располагались по девяти-десяти кольцам. Население столь крупных поселков определяется в 10–20 тыс. человек. В ряде поселений позднего Триполья отмечается групповое расположение жилищ, хотя и сохраняется кольцевое. В Петренах (Молдова) обнаружено около 500 жилищ, расположенных кругами, с радиальными и кольцевыми улицами. Это, вероятно, один из административных центров позднетрипольской цивилизации.

К числу загадок трипольской культуры относятся отсутствие оружия в поселениях и отсутствие одной из наиболее информативных категорий археологических памятников – погребений – на раннем и среднем этапах развития.

* * *

V тыс. до н. э. в степной зоне ознаменовалось появлением первого металла – меди. Это послужило толчком к развитию новых технологий, организации производства, усовершенствованию методов изготовления и обработки орудий, а также к расширению их ассортимента. Естественно, медь из-за своей мягкости еще не могла вытеснить камень, но древние металлурги и кузнецы все же нашли способы ее укрепления при помощи упрочающейковки. Вследствие этого появляется первое оружие из металла ударного действия. С этого же времени оружие становится не только средством уничтожения, но и престижным предметом, символом власти, показателем социального и имущественного положения элиты общества и ее особой психологии. Оружие уже не столько обеспечивало пропитанием, сколько служило средством защиты племени, рода, семьи и их благосостояния, однако одновременно было и средством разрушения, грабежа, подчинения...

С V тыс. до н. э. на арену древней истории Украины выходят представители двух разных миров – мира земледельцев лесостепной зоны (культура Кукутени-Триполье) и мира скотоводов-пастухов причерноморских степей. В отношениях между этими группами многие ученые видят непримиримое противостояние, рисуя при этом ужасные картины разрушений земледельческих поселений воинственными кочевниками-всадниками, возводившими в степи монументальные культовые сооружения над погребениями соплеменников, известные в устной народной традиции как могилы и курганы.

Действительно, на степных просторах впервые появляется прообраз этих удивительных монументальных сооружений над могилами степной элиты, но как это ни удивительно, последние не содержат оружия. В могилах представлены ценные, престижные медные украшения, реже – каменные и высококачественные кремневые орудия (плоские тесла или топоры, длинные кремневые пластины, так называемые «треугольные» наконечники дротиков). Есть в них чудесные каменные булавы и навершия-скипетры, которые, по мнению многих ученых, схематически или реалистически изображают лошадиную голову. Такой трактовке известных изделий этого типа способствовала находка в одном из погребений, исследованном у села Суворово близ Одессы, уникального навершия в виде лошадиной головы, выполненного с большим мастерством и реализмом. В погребениях присутствуют даже золотые изделия, аналогичные тем, что были найдены в известном могильнике, обнаруженном в городе Варна (Болгария). Но где же наборы оружия? Воины-кочевники, постоянная угроза для земледельческих поселений – и без оружия? Почему? Ведь в нашем представлении воинственная психология степняков, милитаризованная организация их общества должны отражаться в идеологии и ритуалах, в частности в погребальных традициях прежде всего элиты этого общества.

Может быть, бескомпромиссность военного противостояния значительно преувеличена? Возможно, нужно говорить не о противостоянии, а напротив, о сотрудничестве, взаимовыгодном обмене и, таким образом, о мирном сосуществовании народов? Иначе почему в многочисленных поселениях трипольцев до сих пор не обнаружены следы вражеских вторжений и их разрушительных последствий сродни тем, что имели место в шумерском Уре? Естественно, трудно отрицать сложный характер отношений между двумя мирами, предполагающий и их периодическое обострение, но нет гарантий и того, что подобные отношения не могли возникать и внутри каждого из этих миров.

Что касается погребений, то в раннем Триполье распространено единичное погребение в жилище; в позднем Триполье встречаются свидетельствующие о трупосожжении могильники с инвентарем. Среди вещей, сопровождающих умершего в потусторонний мир, – кремневые серпы, каменные боевые топоры-молоты, медные кинжалы, шилья, ножи, украшения – брас-

леты, пронизи, каменные бусы. Вероятно, изменение в обряде погребения означает какие-то этнические изменения, чье-то влияние?

Происхождение трипольской культуры до сих пор остается неясным. Некоторые исследователи в связи с этой проблемой затрагивают вопрос об арийском происхождении трипольцев. Ранняя история населения Евразии – одна из дискуссионных проблем в исторической науке. Особенно много споров вызывает вопрос о прародине индоевропейцев. Длительные исследования показали, что невозможно установить точное соответствие между археологической культурой, антропологическим типом и конкретным народом. Поэтому основным источником информации является лингвистический, то есть языковой материал. Исследователи разработали процедуру восстановления, реконструкции словарных единиц, которая позволила определить термины, общие для всех индоевропейских языков. Оказалось, что общая лексика касается прежде всего скотоводства, действий и орудий по обработке земли, природных условий, названий животных – диких и домашних, транспорта – наземного и водного. Исходя из этих данных, историки сформулировали четыре основных гипотезы о прародине индоевропейцев: Балкано-Карпатский регион, евразийские степи, Передняя Азия и циркумпонтийская зона (проще говоря, территория вокруг Черного моря). У каждой из этих гипотез есть сторонники и противники, все они приводят более или менее убедительные доводы в подтверждение своих взглядов.

Начало распада индоевропейской общности обычно относят к рубежу IV–III тыс. до н. э. С этого времени индоевропейские племена расселяются в направлении на запад и юго-запад (на Балканы – греки, фракийцы), на юг (в Малую Азию – хетты) и восток (в Иран и Среднюю Азию – иранцы, а через Иран в Индию – индоарийцы).

В настоящее время почти всю Северную и частично Южную Индию населяют народности, говорящие на индоевропейских языках, в большей части Южной Индии говорят на дравидских языках, в Центральной Индии – на языках мунда и в предгорьях Гималаев – на тибето-бирманских. Кроме того, в Южной Индии проживают малочисленные веддоидные племена (от названия одного из них – ведда; к «Ведам», религиозным книгам Древней Индии, оно не имеет отношения). Предки носителей этих языков переселились в Индию в разное время. В Иране в древнейшие времена в южной части нагорья жили эламиты, родственные по языку дравидам, в северной и западной, – видимо, племена, родственные по языку кавказцам, и др.

Относительно поздно в Индии и Иране появились так называемые индоиранские племена, язык которых принадлежал к индоевропейской семье. Судя по близости языков древних иранцев и индоарийцев, а также сходным явлениям в культуре и религии, около середины III тыс. до н. э. существовало индоиранское единство какого-то количества племен. Разделение произошло уже после середины II тыс. до н. э., когда одна часть племен осела в Иране, а другая продолжала продвижение в Индию.

Среди индоиранцев (и только среди них) был широко распространен термин «арья» – «благородный». Им называли себя, по-видимому, члены племен, занимавших руководящее положение в существовавших в то время племенных союзах. Поэтому индоиранские по языку племена в науке часто называются и арийскими. Оставшихся в Иране называют иранцами, а переселившихся в Индию – индоариями, или индоарийцами; а языки называют иранскими и индо-арийскими соответственно. Таким образом, термин «арий» – скорее лингвистический, а совсем не расовый; никакой арийской расы никогда не существовало ни в Европе, ни вне ее. При передвижении племен происходило усвоение языков индоевропейской семьи местными племенами различных антропологических типов. Неизвестно даже, были ли антропологически однородными первые племена, говорившие на праиндоевропейском языке.

Обе восточные группы индоевропейских племен – иранцы и индоарийцы, несомненно, прошли через Иранское нагорье, т. е. через территорию нынешних государств Иран и Афганистан. К сожалению, не установлено, ни откуда они двигались, ни какими путями они дошли

до окраин нагорья; письменных свидетельств об этом нет, а данные памятников материальной культуры и лингвистические данные археологи и лингвисты все еще толкуют по-разному.

Считается, что индоиранцы были пастушеско-земледельческими племенами, причем не только овцеводами, но и коровыми пастухами. Они знали плуг или соху и колесную повозку на сплошных колесах, в которую запрягали, вероятно, главным образом волов. Им, безусловно, была известна и лошадь. Вопрос о том, была ли им известна легкая конная колесница, остается пока спорным, а верховая езда распространилась, по крайней мере, с середины II тыс. до н. э.

Можно ли определить дату переселения пастушеско-земледельческих племен по археологическим памятникам? Часто такие переселения не оставляли о себе никаких материальных данных, поэтому археология тут бессильна. Исключения составляют те переселения, которые сопровождались массовой резней и пожарами. Но чаще новые поселенцы быстро и безболезненно перенимали материальную культуру местного населения, приспособленную к местным условиям. В Иране все попытки определить на археологическом материале дату появления племен арья оказывались напрасными. Вероятно, индоиранцы не внезапным нашествием, а отдельными передвижками, разделенными между собой поколениями, продвигались на юг.

При определении возможных путей их продвижения в Иран совершенно отпадают зоны тогдашних субтропических лесов, непригодных для прогона скота, – Черноморское побережье и южное побережье Каспийского моря, а также высокогорные перевалы, доступные легкому конному войску без обоза, но недоступные для тяжелых примитивных обозных повозок со скарбом, женщинами и детьми и для крупного рогатого скота, т. е. перевалы Большого Кавказа, Гиндукуша и Памира. Отпадают и те районы, где невозможен круглогодичный выпас скота и подсобное земледелие. Вероятно, основной линией проникновения на юг индоарийских и ираноязычных племен следует считать современные Туркмению и Афганистан.

Появление индоарийцев в Индии еще не так давно было принято излагать как завоевательное вторжение племен высшей расы, частично истребившей, а частично поработившей местное население, погрязшее в темноте и бескультурии. Открытие индской цивилизации в 20-х годах XX века доказало, что культура доарийского населения северо-запада страны была выше, чем у пришельцев, к разрушению же индской цивилизации арии, видимо, прямого отношения не имели.

Никаких данных, которые подтверждали бы факт единовременного и массового вторжения ариев в Индию с завоевательными целями, нет. По-видимому, не позже второй половины II тыс. до н. э. действительно началось просачивание индоарийских (по языку) племен в Индию, но оно было медленным и постепенным. Конечно, отношения пришельцев с местным населением (так же как и между собой) далеко не всегда были мирными, но в конце концов в результате этнических перемещений и взаимных контактов происходило поглощение пришельцев коренным населением Индии; в то же время пришельцы передавали этому населению свой язык.

В литературе можно встретить утверждение о том, что носителями арийского духа являются современные украинцы. Каким было арийское общество по мнению сторонников этой теории? Характерной его чертой был дух воинственности. Война рассматривалась как священное занятие. Общество имело трехсословную структуру: жрецы-брахманы, обладавшие высшим знанием; из среды воинов выходили представители власти – князья, цари, их атрибутом были чубы-оселедцы на головах (они прежде всего означали презрение к смерти, так как тогда был распространен обычай скальпирования); общинники, которые обеспечивали жрецов и воинов всем необходимым. Цветом арийских воинов был красный – цвет огня, крови, войны и смерти. Важнейшими элементами арийской военной культуры считают семейный принцип организации, равенство, побратимство, демократизм; высокий престиж ратного дела и низкий – мирного труда. Особенное мужество, кодекс рыцарской чести, готовность к самопожертвованию, солдатский аскетизм (даже целибат), религиозность, почитание бога войны, оружия,

коня, Солнца-колеса (то есть свастики) – все это называли и называют отличительными особенностями древних арийцев. Характерной чертой погребального обряда ариев считают курганные насыпи над могилами.

Впрочем, то, чем сейчас располагает наука, никак не подтверждает не только принадлежности трипольцев к ариям, но и обладания ариями какими-то особыми качествами. Трипольская культура до сих пор не раскрыла всех своих тайн, и, наверное, поэтому существует много теорий или даже мифов, целью которых является доказать непосредственную связь этой культуры с современными народами. Обаяние такой глубокой древности не оставляет равнодушными ни историков, ни писателей, ни политиков.

В науке утвердилось мнение, что трипольцы принадлежали к средиземноморскому антропологическому типу. Но это очень обижает сторонников прямого наследования современными украинцами «трипольско-арийского» наследия. «Праукраина» современных почитателей трипольцев лежала в границах современной Украины. Происхождение термина «Украина» поясняется так: это не окраинная земля и не степная область (от тюркского «кра» – степь). Название Украина якобы имеет прочные духовные основания. Было среди ариев многочисленное и влиятельное племя укров. Отголосок этого названия остался в современных названиях австрийской и сербской Крайны. Праукраинцы, появляясь в других европейских регионах, оставляли там свои топонимы – например, прусский Уккермарк рядом с городом Бауценом на реке Укре. Название Украина, по версии сторонников его арийского происхождения, не что иное, как «Ук-Ор-Ай-Ану», что в приблизительном переводе означает «Владение небесного бога солнцевиков-пахарей». Название это местное и возникло без чьего-либо влияния извне. Трипольская же культура стала мощной праисторической основой украинского народа. С тех пор верования, обычаи, песни, искусство, домашний быт, земледельческий образ жизни как общая ментальность стали для него объединяющим фактором. А вот принадлежность трипольцев к средиземноморскому антропологическому типу не нравится сторонникам этой теории. М. Г. Иванченко пишет: «И все-таки, какими были трипольцы? Малорослыми, «носолобыми», узколицими? Конечно, были отклонения от вислянского антропологического типа светлочубых и светлооких, высоких и т. д. Но за тысячелетия резкие внешние отличия стирались. Рядом с Майданецким первогородом раскопан почти двухметровый костяк. Трипольцы стали основой украинской нации больше, чем кто-либо иной».

Создатель одной из теорий происхождения современной европейской цивилизации археолог и писатель Ю. Шилов располагает на территории Украины якобы созданные индоевропейцами древнейшее в мире государство Аратта и протогосударство Ариан. В доказательство он приводит некие надписи, найденные на камнях в нижнем течении Днепра. Согласно теории, которую поддерживает Шилов, около 6200 г. до н. э. экспедиция жрецов-правителей малоазийского Шу-эден-на-ки-дуга («Руки-закона степи страны благой», так называлось тогда поселение праиндоевропейцев у современного Чатал-Гююка) якобы достигла святилищ приднепровского Шу-нуна («Руки-закона владычицы», современной Каменной Могилы). С плит святилища странники сняли копии пранадписей. Нашедший эти копии шумеролог А. Г. Кифишин расшифровал надписи так:

4. богиня Гатумдуг, владычица степи [окрестностей Шунуна], судит и сражает Ану [бога Небес];

39. по жребию богини Инанны, праматери благой земли и степи, гибнет (также) Су-хур-алаль [предтеча Энлиля];

9/6. Месламтаза [сын Ану] убивает Большую Птицу [Смерть], а семиголовая Нин-дара-из-бездны [жена Ану] помогает судом своему мужу, – который, обретя [за время пребывания в бездне Большой Птицы] разум Мыши, справляет праздник (своего воскресения) на Поселении;

29. бог-громовик Им или Ишкур – великий судья богини зерна Ашнан – судит богов в «праведные годы»;

10. богиня-медведица Аз, пользуясь лирой, освящает суд.

Так завершается первый календарно-мифологический сюжет. Далее приводятся перечни мифологических и легендарно-исторических правителей Благой Земли и Степи:

25/А. Думузи, Сухур-алаль, Кас-кисим, Ри-алаль, Уту-паиль, Му-ги, Энлиль-паиль, Кисаль, Саль-туш (и еще 5 правителей между Думузи и Сухур-алалем);

25/В. А-энзу, Кас-шегбар, Намтар – «творец полей утугов (демонов)», Килим – «разливающая воду», Ибаз – «творец волокуши (?)», Ламар – «древом поразивший мудрецов», Уту – «творящий суд воды» (и еще 4 правителя между А-энзу и Кас-шегбаром).

Третья часть подобна первой своим календарно-мифологическим содержанием:

37/4—34/А. Бог Энлиль осужден за неправильное бракосочетание с Нинлиль и казнен. Однако позже (отыскав в потустороннем мире Нинлиль вместе с их сыном – богом луны Энзу) Энлиль воскресает.

Нужно сказать, что далеко не все исследователи согласны с таким переводом и не все видят в знаках Каменной Могилы письменность. Однако, по мнению Ю. Шилова, можно считать, что наличие двух «экземпляров» древнейшей в мире летописи (оригинала и копии) свидетельствует о заключении мирного договора, означавшего открытие циркумпонтийской зоны формирования индоевропейской общности. Этот древнейший в мире письменный договор ознаменовал собой начало всемирной цивилизации (государственности).

Сообщения о цивилизации Аратта действительно содержатся в шумерских поэмах. Сами шумеры помещали город Аратту на востоке, между Эламом и Индией. Поэма «Энмеркар и верховный жрец Аратты» записана на нескольких более или менее уцелевших глиняных табличках и состоит из 30 разделов. Энмеркар – имя верховного жреца шумерского города-государства Урука, главный храм которого является «домом Энлиля». Аратту же и ее главный храм основала Инанна, а опекает ее возлюбленный Думузи. Сообщается также, что выходцы из Аратты основали Урук, однако его жрец-правитель добивается теперь отвращения Инанны от метрополии и подчинения ее Уруку. В знак покорности жители Аратты должны предоставить для реконструкции его храмов металлы, камень, строительные материалы, а также ремесленников; за невыполнение Энмеркар угрожает городу разрушением, населению – рабством, главному жрецу – убийством. Тот на угрозы отвечает так:

Я – верховный жрец, назначенный чистой рукою (Инанны).
Скипетр небесного царя (Ану), владычица вселенной,
«Иннин» всех законов, светлая Инанна
в Аратту, страну чистых обрядов воистину меня привела,
в горах пред нею поставила словно врата, —
то как же Аратта может покориться Уруку?
Гора(-Аратта) – это герой, напитанный мудростью,
она подобна вечерней заре, идущей к родимому дому
и прогоняющей мрак пред своим (лучезарным) лицом.
Она подобна луне, вздымающейся на небеса,
лик которой блеском исполнен.
Она подобна деревьям, окружающим горы.

Внявшая увещаниям Энмеркара, Инанна отвернулась было от Аратты и перестала ее защищать... Гонец несколько раз носил грозные приказы из Урука в Аратту, а обратно – неопределенные ответы. Приказы, помимо требований и угроз, включали магические загадки и напоминания о тех временах, когда не только Шумер и прочие страны, а «все благочестивое человечество, вся вселенная общим наречием искренне восхваляли Энлиля», чей храм теперь – главный в Уруке. Ответы тоже апеллируют к истории и сетуют на то, что нынче «Аратта

подобна отаре, которая разбрелась; пути ее – враждебная (араттам) земля»; взамен дани, которую требует Энмеркар, его коллега-антипод молит прислать зерна своим страждущим от засухи соотечественникам. Не сразу, однако же, удовлетворяется эта просьба. А пока благодарные горожане собирают в ответ караван, нетерпеливый Энмеркар вновь присылает гонца – с новой головоломкой о скипетре, который надлежит принести в храм Энлиля. На это верховный жрец Аратты отвечает достойной загадкой. Такое дипломатическое общение вскоре настолько запутывается, что несчастный гонец уже не в состоянии запоминать поручения. Вот тогда-то Энмеркар будто бы изобретает письменность, которую его «неграмотный» коллега из Аратты почему-то без затруднений прочитывает. А пока обдумывает очередной ответ, Инанна, смилосердясь к родному городу, поливает его поля долгожданным дождем.

Теперь Аратта спасена от жажды и голода, защищена разливами рек! К тому же богиня устраивает здесь праздник в честь воскресающего Думузи... Ввиду таких неблагоприятных для себя перемен, Энмеркар решает закончить спор миром – и отправляет в Аратту новую партию зерна, а также скот на предстоящее празднество. В ответ на это жители Аратты посылают-таки дары для храмов Урука... Конец поэмы почти не сохранился, но все же понятно, что некто на празднике поучает Энмеркара: дела следует улаживать не войною, а миром.

В VII тыс. до н. э. земледельцы и скотоводы малоазийского происхождения продвинулись в долины Дуная, Днестра, Буга, Нижнего Днестра, населенные аборигенами-охотниками и собирателями. Постепенно в циркумпонтийской зоне начала формироваться общность племен, которая позднее получит название индоевропейской. Самая большая волна переселенцев из Малой Азии (культура Винча) тронулась на Балканы и в Подунавье во второй половине V тыс. до н. э. Новые пришельцы оттеснили предшественников дальше на север в Среднее Поднепровье. Здесь в IV тыс. до н. э. и расцвела земледельческая цивилизация, условно названная трипольской археологической культурой.

Если вооружиться теорией Шилова, можно сделать вывод, что за тысячелетие до цивилизаций Шумера и Египта трипольцы образовали государство, которое называли Аратта. Она должна была представлять собой содружество государственных образований полисного типа: крупные поселения с сельской округой – те самые, которые разыскивали украинские археологи. Города достигали невиданных в древнем мире размеров – до 500 га и численности населения – до 40 тысяч. Преимущественно деревянные одно- и двухэтажные дома с подвалами, хозяйственными помещениями и мастерскими строились для проживания больших семей, которые даже в условиях города держались своих родов (обычное число родственников, которые жили под одной крышей, достигало 50–60 человек). Города строились одновременно, по единому концентрическому плану – внешние стены домов крайней улицы соединялись и служили защитой, в центре находилась большая площадь, которая была одновременно загон для скота. Некоторые постройки выполняли роль храмов (древнейшие из святилищ обнаруживают схожесть со зданиями жреческого квартала Чатал-Гююка). Наконец, в каждом доме для отправления молитв отводилась отдельная комната, в которой возле костра находился глиняный алтарь со статуэтками богинь. Почти все статуэтки изображают стоящую женщину – Праматерь. Ее черепашья голова, змеевидная и прочая орнаментика позволяют некоторым специалистам отождествлять ее с шумерской богиней Гатумдуг; Инанне же более отвечают реалистические статуэтки второго этапа развития трипольской цивилизации. Живот и лоно Праматери орнаментировались преимущественно ромбическими символами плодоносящего поля (что усиливалось примесью муки и зерен в глине статуэток), а груди – змеевидными символами мужского начала. Последний образ был особенно характерен для предшествующей буго-днестровской культуры. В роли священника выступал, вероятно, патриарх рода.

Могильники раннего и среднего этапов Триполья до сих пор не обнаружены – их, вероятно, в виде привычных нам кладбищ и не было. Из этнографии различных индоевропейских народов известны захоронения на деревьях (древние черкесы и осетины), на столбах у дорог

(славяне); трупосожжения (у индусов) доныне сочетаются с обычаями развеивать пепел над полями, а останки спускать по воде. Такой обычай доминировал, быть может, в Аратте; данным образом можно объяснить распространенность среди индоевропейских народов слов «навь», «наус» и т. п. со значениями не только «судно», но также и «покойник», «смерть». На кремнирование умерших указывают также редкие останки человеческих жертвоприношений, которые в виде черепов и отдельных костей по древней, еще ближневосточной традиции располагались в жилищах возле очагов. О сожжениях жертв свидетельствуют и такие надписи из подунайской Аратты:

40-е княжение (?). По велению бога Шауэ старейшина ритуально сожжен. Это 10(-я жертва); «женщина воинов» возвеличила [сожгла как жертвоприношение] воинов-стражей святилища Огня, не дав (им) выйти из (пылающего) святилища; «женщина воинов» (их) в степи возвеличила.

Сожжение, как видим, возвеличивает человека; добровольно-принудительное (узаконенное традицией и неприятием смертности души) самопожертвование является честью. Жрецы и жрицы господствуют в обществе. Воины, помимо защиты родины, прислуживают в храмах и время от времени приносятся в жертву – как и старейшины (вожди, достигающие преклонного возраста)... Так вот, в Аратте были заложены основы присущего индоевропейцам института Спасительства, снятия основного противоречия всех времен и народов – противоречия бытия-и-небытия, жизни-и-смерти. Вполне очевидно, что именно этот институт самопожертвования во имя общего блага являлся стержнем и авторитета, и власти «первобытной интеллигенции» – жрецов-правителей «Солнцеподобной страны».

Среди известных нам надписей Аратты единожды упоминается раб (да и то в шумеро-ведческом понимании соответствующего иероглифа). Сей «раб плуга страны» мог быть и жрецом, обязанным починать пахоту и прочие работы сельскохозяйственного цикла – пережитки чего сохранялись, например, на Руси и в царских обязанностях времен Иоанна Грозного...

II этап развития «трипольской» Аратты начался примерно в 3600 г. до н. э. – где-то за полтысячелетия до возникновения Шумера. На этом этапе хозяйство, быт, территория изменились немного, однако количество поселений и площади их значительно возросли; несколько племен или родов достигли Днепра выше Роси.

Итак, практически исчезли малые поселения, их площадь составляет теперь 3—40 га. Рядовая планировка сменяется концентрической с майданом – площадью посередине. Оборонительные рвы замещаются соединенными между собою домами внешнего круга. Защищались, по-видимому, не столько от врагов, сколько от хищников – волков, медведей и львов (которые встречались в Северном Причерноморье еще в скифское время). Дома становятся большими и преимущественно двухэтажными; в них обитают, по-видимому, парные семьи трех поколений. В планировке поселений прослеживаются «концы», группирующиеся по ремесленно-профессиональным и, вероятно, родственным признакам. На алтарях нередко встречаются керамические модельки святилищ – в том числе и весьма архаического типа, восходящего к храмам малоазийского Шу-эден-на-ки-дуга.

Из ремесел наиболее развиваются обработки камня и металла (ковка и сварка медных изделий, простейшее бронзовое литье), а также гончарство. Последнее все еще обходилось без круга, но пользовалось горном. Наряду с традиционной «кухонной» посудой распространяется расписная «парадная». Гораздо разнообразнее становятся женские и др. статуэтки, иногда даже с портретными лицами. Хотя они почти исключительно культовые, однако позволяют судить о внешнем виде араттов.

По скульптурным изображениям Ю. Шилов восстанавливает внешний облик трипольских женщин. Они заплетали косы, но преобладала (во всяком случае, при отправлении ритуалов) длинная прическа с прямым пробором посередине; на спине концы волос прятались в сетчатые или сплошные футляры разнообразных форм. На головах носили колпаки, грибовид-

ные шляпы и др. На шеях – монисто, гривны и подобия пекторалей; гривны иногда дополнялись лентами или подвесками. Носили рубахи разной длины и с различными вырезами, а также жилетки. Нижнее белье представлено набедренными повязками. Подпоясывались разнообразными поясами и перевязями – через оба или одно плечо. Лица раскрашивали, а может, и татуировали. Красная и другие краски на черепах «усатовского варианта поздней трипольской культуры» отражают следы не только причесок, но и кастовой принадлежности, аналоги которых доньше бытуют в Индии, а до недавнего времени встречались и в Украине (казачьи «оселедцы» и др.). Обувь в росписи рассматриваемых статуэток представлена сандалиями, черевиками и сапожками – нередко с меховыми отворотами.

Традиционно преобладают фигурки стоящей женщины – однако теперь уже не только Матери, но и Девы. На алтарях и в антропоморфных сосудах их нередко объединяли, как арийских Ддити и Ушас или греческих Деметру и Персефону. Распространяется также образ женщины, восседающей на рогатом троне-Тельце. В. Н. Даниленко и Н. А. Чмыхов считали такие комплексы свидетельствами зарождения греческого мифа о Европе и Зевсе, но в рассматриваемой этноисторической обстановке надежнее ограничиться соответствием индоевропейским Притхиви и Дьяусу: матери-Земле и Небу-отцу, которые в гимнах аратто-арийской Ригведы предстают в обликах людей или крупного рогатого скота.

Образ Притхиви – Дьяуса зародился еще в храмах Чатал-Гююка и Хаджилара, но его распространение было обусловлено, вероятно, появлением довольно специфических святилищ-обсерваторий подунайской культуры Лендбел, сменившей в начале IV тыс. до н. э. предшествующую Винчу. Унаследовав круговую планировку поселений, они строились не у воды, а на удобных для календарно-астрономических наблюдений «лысых горах». Распространившись на протяжении IV – середины II тыс. до н. э. вдоль северной, лесостепной границы тогдашнего земледелия, эти сооружения достигли британского Стоунхенджа и зауральского Аркаима, оставшись для потомков наиболее очевидным свидетельством существовавшей Аратты, высочайшего интеллекта ее правителей и крепчайших общественных связей.

Письменность Кукутени-Триполья представлена «счетными фишками» (подобие наборной азбуки и арифметики, да только из керамических кубиков и т. п.), неясными пока еще знаками на сосудах и вышеуказанными прашумерскими табличками. Упоминаемые на них «близнецы Инанны» обнаруживаются, возможно, уже в барельефных изображениях чатал-гююкских храмов. Можно предположить, что с распространением указанных выше святилищ-обсерваторий эти близнецы перевоплотились в Аполлона и Артемиду (в персонификацию главных созвездий зодиака и зенита, т. е. в Тельца с его Плеядами и Медведиц с их Полярной звездой) – детей Дьяуса (-Дзеуса-Зевса или Дия) и Рато (-Лато-Латону), где последняя воплощала зодиак и закон (Рита аратто-арийской Ригведы).

Если признать ошибочными расшифрованные датировки 5702–5622 гг. до н. э., указанные в летописи приднепровского Шу-нуна, то завершение рассмотренного этапа «трипольской» Аратты можно соотнести с вышеприведенными строками о возникновении шумерского Ура.

III этап охватил приблизительно 3000–2250 гг. до н. э. (от укоренения Шумера до возникновения Вавилонии). Уже в начале данного этапа центр «Солнцеподобной страны (земледельцев)» утвердился в почти замкнутом междуречье Буга («Бога» не с того ли этапа?), Соба, Роси, Синюхи и достиг здесь максимального за всю историю Аратты развития.

В 1960-х годах пилотом К. В. Шишкиным и археологом Н. М. Шмаглием были открыты грандиозные трипольские (т. е. араттские, как теперь выясняется) города площадью до 500 га. Обладая ранее сложившейся концентрической планировкой и проч., они окружались небольшими селами с преимущественно нерегулярной застройкой, а также святилищами-обсерваториями лендбельского типа. Очевидно, что каждый такой комплекс представлял собой довольно автономный район – подобный одновременным городам-государствам Шумера, последующим

полисам Греции, еще более поздним Палуни и полянам, а также «городам и весям» Древней Руси.

Языковеды знают, что древнерусская весь – «вся» обжитая той или иной крестьянской общиной округа – соответствует вис(ш)ям Индии-Бхараты и соприкасается с почитаемым в ней «Всеобъемлющим» Вишну. Наиболее известный атрибут этого бога – стопа третьего шага, с которым гигант в жертвенном пламени возносится на небеса. Такие представления хорошо согласуются и со стопообразными очертаниями наибольшего города приднепровской Аратты (у села Тальянки Тальновского р-на Черкасской обл.), и с удивительным обычаем периодического самосожжения «городов и весей» этого древнейшего в мире индоевропейского государства.

Данный обычай вытекал из переложной системы землепользования, несовершенства агротехники и, по-видимому, стремления жрецов-правителей «Солнцеподобной страны» предотвратить расслабление и деградацию народа. Во всяком случае, примерно через три поколения – когда почва окрестных полей истощалась – неподалеку поднималась целина, строились новые город и села, а старые приводились в ритуальный порядок и поджигались... Так были заложены основы учения о «дне Брахмы» – сохранившегося в Бхарате-Индии и вспоминаемого в Рахманском Великдне долины Артаплота и других районов Украины. Ритуальные самосожжения поселений Аратты были сопряжены с институтом Спасительства и сделали его основным инструментом государственных связей.

Выдающийся археолог В. Н. Даниленко впервые обратил внимание на «азово-черноморскую линию развития степного энеолита» и объяснил ее связями Триполья с ближневосточными цивилизациями. Этот путь начали торить если не чатал-гююкские, то уж, во всяком случае, буго-днестровские путешественники в необжитую тогда Месопотамию. Помимо отдельных находок, захоронений и смешанных пограничных культур, на Чонгарском полуострове (в преддверии Крыма) было обнаружено небольшое зимовье араттской экспедиции. С другой стороны, в районе Каменной Могилы (у с. Надеждино) и даже в междуречье Днестра – Ингульца (в пос. Большая Александровка) обнаружены шумерские захоронения с надписью и зодиакальным изображением; в последнем случае – в паре с араттским захоронением.

Надписи приднепровского Шу-нуна (Каменной Могилы) свидетельствуют, что в 2782 г. до н. э. на нем побывала делегация из одноименного шумерского города на севере Месопотамии и сняла копии с вышеупомянутых надписей на плитах 2–7 для своей едва ли не древнейшей в Шумере библиотеки. По авторитетному мнению московского шумеролога А. Г. Кифишина, именно в данной связи мог сложиться известный шумерологам цикл из пяти поэм «Тайного Святилища», где праматерь Инанна и бог-воитель Нингирсу (один из сыновей бога-творца Энлиля) хранили 7 древнейших в мире кудурру – храмовых подобий так называемых чуринг (священных, чаще всего каменных продолговатых предметов). Кифишин считает, что их-то и нашел Даниленко в каменномогильском «Гроте чуринг», восходящем к XII тыс. до н. э.; они были изукрашены как изображениями мамонтов и т. п., так и шумерскими письменами.

2535 г. до н. э. завершается летопись потомков упоминавшегося выше каменномогильского «дома Имдугуда», который перед этим 10 лет воевал с родственным месопотамским «домом Барагеси». В 2530 г. до н. э. новая шумерская делегация оставила многочисленные надписи на плитах 1 и 52/А, а также обновила некоторые из старых. Среди них значится «владыка Эшнуна» – города, который именно с этого года 30 лет вместе с Уром, Уруком, Лагашем воевал против Киша.

В 2517 г. до н. э. случилось последнее, быть может, посещение, во время которого на плите 7 была оставлена надпись: «Шара, владыка Страны (Шумера) и Семи». Шарой именовался один из лунных богов, нижняя часть которого была смертной – людской. Вероятно, эта делегация не только почтила пращурское святилище, но и оставила жертвенное захоронение

у Надеждино. Оно содержало кости ног и таза взрослого человека и было перекрыто каменно-могильской плитой с шумерской надписью «Шара».

Конец заключительного этапа «трипольской» Аратты отмечен несколькими знаменательными, взаимосвязанными событиями внутреннего и внешнего порядка. Прежде всего сказались геокосмические причины, сопряженные с известным историкам Огиговым потопом конца III тыс. до н. э. К этому времени Аратта уже имела на черноморском побережье (в районе между современными селами Усатово и Маяки на Одессине) свой южный форпост. Особенности его металлургии неоспоримо свидетельствуют о развитых связях с малоазийской прародиной, которые осуществлялись, несомненно, преимущественно водным путем. Вследствие этого сухопутный путь захирел. Стали угасать и традиции матриархата: усатовско-маяцкие статуэтки преимущественно мужские, фаллические. Исчезают города с населением в 10–40 тысяч человек, распадаются полисы. Часть населения уходит на север, в озерно-лесные низовья правобережной Припяти и левобережной Десны – притоков Днепра. Образованные этими переселенцами культуры связываются исследователями с началом этногенеза славян. Южная же часть населения – до вероятного морского переселения в район малоазийской Троады – все теснее сосуществует с арийскими племенами ямной археологической культуры. Последнее обстоятельство отчетливо отразилось в антропологии останков из кладбищ и курганов возле Усатово и Маяков.

Трипольские дома, алтари, скульптуры, посуда поражают своей эстетичностью; на всем лежит печать особой духовности. В связи с истощением окружающих угодий поселения периодически сжигались и каждый раз восстанавливались на новом месте. Так же в определенные промежутки времени, преследуя космические цели спасительства, сходили на ритуальный костер жрецы-правители. Цивилизация Аратты была прежде всего земледельческой и занимала оптимальные для этого лесостепные пространства. Близлежащие степи заселяли скотоводческие племена, тоже индоевропейского происхождения. Ю. Шилов считает, что правители Аратты, проторяя новый путь на малоазийскую родину, повлияли на организацию полукочевой стихии соседей – носителей ямной культуры. Введенные в их общество жрецы-брахманы ускорили формирование специфической общности, известной в Истории под названием ариев. Эта подвижная общность – протогосударство Ариан – стала проводником мигрантов через Кавказ к Малой Азии и к верховьям Месопотамии, где был основан Шумер. Прокладка этого пути известна археологам как «азово-черноморская линия развития степного энеолита».

Установив связи с Шумером и укротив стихию полукочевых скотоводов, Аратта не только создала стрежень и катализатор формирования ариев, но и полюса их дальнейшего развития, причем она сама стала полюсом отталкивания, а рабовладельческий Шумер стал полюсом притягивания.

Принято полагать, что арии заложили основу индоевропейской цивилизации. Но это не так. Пять арийских племен, достигнувших Инда из долин Днепра, Дона, Кубани, Волги, Урала, нарекли свою новую родину Бхаратой – «Божественной Аратой»; есть в Индии и провинция Арата. Все это – в честь прекрасной страны, породившей также шумерскую Аратту, иранскую Аратту-Арту, этрусскую Артану, древнерусскую Арту-Арсанию, легендарный греческий Ортополис и донныне бытующую украинскую Артаплот. Это все восприемники действительно древнейшей в мире цивилизации (государственности), традиция которой сохранилась в Бхарате-Индии.

Из доиндийских Аратт, «кочевавших» с конца VII тыс. до н. э. центров индоевропейского мира, лучше всего известна шумерская, сопоставленная недавно с городищем Шахри-Сотхе (на границе Ирана и Афганистана). Аратта в низовьях реки Хильмунд представляла собой уру (аналог будущих древнегреческих полисов и древнерусских «городов и весей»). Некогда выходцы из этой Аратты основали известный шумерский Урук, верховный жрец которого Энмеркар попытался затем через своего коллегу из Аратты добиться подчинения былой

метрополии. По мнению Ю. Шилова, есть основания полагать, что не только Урук, но и другие города-государства Шумера выводили себя из Аратты. На древнейшее ее местоположение указали глиняные таблички с протошумерскими письменами, более сотни которых найдено уже в Подунавье. Однако наибольшей историко-археологической сенсацией последних лет стало открытие московским шумерологом А. Г. Кифишиным надписей Каменной Могилы в пойме р. Молочной (у Мелитополя). Наряду с десятками строк древнейшей в мире летописи, ученый обнаружил также своеобразные географические карты верхнепалеолитической и последующих эпох.

А. Г. Кифишин выдвинул следующую концепцию зарождения Аратты. Примерно к XII тыс. до н. э., еще во времена таяния ледника и существования мамонтов, была освоена благоприятнейшая для охотников территория от Крыма до Карпат, от Подолья до Подунавья. Этот квадрат, праобраз аратто-арийской Вары, был разграничен жрецами наподобие «малтийского креста»: противолежащие концы поочередно становились то охотничьими угодьями, то заповедными зонами... С этого-то и началось становление «Солнцеподобной» Аратты. Из ее многочисленных святилищ вскоре выделилась Каменная Могила – уникальное, подобное пчелиным сотам, геологическое образование: холм из песчаниковых плит, образующих бесчисленные пещерки, гроты, навесы. На протяжении XII–III тыс. до н. э., а местами и до середины I тыс. н. э., они были едва ли не сплошь покрыты довольно реалистичными изображениями, символами и примерно с середины VII тыс. до н. э. – письменами. А. Г. Кифишину удалось расшифровать календарное обозначение 11 582 г. до н. э., а также указания на мифологические даты начала XX тыс. до н. э.

Между тем, с IX тыс. до н. э. на Ближнем Востоке, особенно на территории «полумесца плодородных земель» вдоль восточного побережья Средиземного и южных побережий Черного, Каспийского, Аральского морей, началось становление нового хозяйственно-культурного типа. На смену присваивающему (охота и собирательство) все интенсивнее внедрялось производящее хозяйство (скотоводство и земледелие). Разворачивалась так называемая Великая неолитическая революция, породившая земную цивилизацию (государственность).

С начала VII тыс. до н. э. лидером становления древнейшей на Земле цивилизации становится западная оконечность «полумесца плодородных земель», в особенности малоазийское поселение Шу-эден-на-ки-дуг («Руки-закона степи Земли Всеблаготворной», по расшифровке Кифишина, современный Чатал-Гююк). Английский археолог Дж. Мелларт раскопал здесь, на прародине индоевропейских племен, «жреческий квартал», где на протяжении тысячелетия было сооружено более 40 храмов. Они представляли собой довольно большие однокомнатные помещения с алтарями и настенными изображениями календарно-зодиакальных сцен; южная стена при этом уподоблялась белому экрану, который совместно с люком в потолке над ней служил для наблюдений за кульминациями небесных светил.

Интенсивное земледелие в совокупности с примитивной мелиорацией привело к демографическому взрыву и засолонцеванию орошаемых полей. На данную катастрофу наложились и геокосмическая, обусловленная перепадами солнечной активности и вулканическими извержениями в Средиземноморье... И вот, ввиду таких обстоятельств, жрецы-правители Шу-эден-на-ки-дуга, около 6200 г. до н. э. совершают разведочную экспедицию вокруг Черного моря с целью выявления районов для расселения. Неизвестно, обошла ли экспедиция все побережья, побывала ли и в других регионах, однако факт посещения Каменной Могилы (Шу-нуна по А. Г. Кифишину) у Ю. Шилова не вызывает сомнений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.